

Сафонов Дмитрий Анатольевич

"ПОЛНОЕ БЕЗВЛАСТЬЕ НАРЯДУ С БЕЗГРАНИЧНЫМ САМОВЛАСТЬЕМ": ЮЖНОУРАЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ В 1917 ГОДУ

В статье предпринята попытка анализа положения, в котором оказалась деревня Южного Урала в сложный период между падением самодержавия и захватом большевиками власти в центре страны. Наблюдаются два параллельно идущих процесса: ослабление и постепенное исчезновение старых властных структур на местах и нарастание в крестьянской среде убеждения о полном исчезновении власти и законов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. II. С. 162-165. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 908

Исторические науки и археология

В статье предпринята попытка анализа положения, в котором оказалась деревня Южного Урала в сложный период между падением самодержавия и захватом большевиками власти в центре страны. Наблюдаются два параллельно идущих процесса: ослабление и постепенное исчезновение старых властных структур на местах и нарастание в крестьянской среде убеждения о полном исчезновении власти и законов.

Ключевые слова и фразы: деревня; традиционные властные структуры; безвластие; законность; правопорядок.

Сафонов Дмитрий Анатольевич, д.и.н., профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
d_safonov@mail.ru

**«ПОЛНОЕ БЕЗВЛАСТЬЕ НАРЯДУ С БЕЗГРАНИЧНЫМ САМОВЛАСТЬЕМ»:
ЮЖНОУРАЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ В 1917 ГОДУ©**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Крестьянство в условиях модернизации и разрушения традиционных ценностей: социальные девиации конца XIX – начала XX века (региональный аспект)», проект № 15-01-0017.

1917 год – год серьезных перемен властей в России: это время падения самодержавия, кратковременного существования Временного правительства и установления советской власти. Однако, как нам кажется, эти три знаковых момента реально ощущались только в центре – применительно к провинции процесс был более затянут и не так четко политизирован; определяющими были постепенный уход «старых» властных структур на местах и инициативные попытки создания каких-либо «новых». При этом стоит обратить внимание на отношение к происходящему российской деревни. В 1917 г. в стране возникла уникальная ситуация – впервые крестьянство оказалось вне традиционного общегосударственного контроля, существовавшего в империи, что никак не могло не повлиять на крестьянские действия и воззрения. Проанализировать ситуацию по всей стране крайне сложно, потому в качестве объекта возьмем деревню Южного Урала – провинциальной окраины европейской части России. На протяжении десятилетий советского периода крестьянская активность после Февраля рассматривалась исключительно в контексте деятельности большевиков: начавшись стихийно весной, она постоянно нарастала, приобретая под воздействием большевиков организованность. Все авторы рассматривали ее через призму нарастания революции, полагая крестьянское движение непременной составляющей революции социалистической [3; 11; 14; 16]. Определяющим моментом было сосредоточение внимания исследователей на борьбе крестьян против помещиков. Так, Н. Кравчук (1971) заключал об антипомещичьей направленности крестьянских выступлений на основе анализа статистических данных: против помещиков, по его данным, было направлено 84,4% всех выступлений [11, с. 109]. А. Малявский (1981) делал заключение, что борьба крестьян должна была усиливаться, по логике, до окончательной ликвидации частного землевладения [14, с. 60]. Следование тезису о двух социальных войнах в деревне заставляло заострять внимание на первой из них – антипомещичьей. Еще в 1928 г. М. Верменичев полагал, что в 1917 г. крестьянство перешло от мирных форм протеста к разгромному движению [3, с. 46]. Данный тезис поддерживался практически всеми авторами, расхожившимися только в более конкретном определении времени этого перехода. Но не это главное – главное то, что «разгромные акции» стали рассматриваться как форма классовой борьбы (позднее стал использоваться термин «социальная активность», что не изменило сути). То, что в 1917 г. была поставлена точка в вековом споре крестьян с помещиками, не подлежит сомнению. Другое дело, что сосредоточение только на этом неизбежно обедняет общую картину, ибо делает ее однобокой. Рассмотрение разгрома имения как некоей единой акции как бы поглощает в себя все ее составляющие, в частности и очевидно преступные – избиение, поджог, расхищение имущества, уничтожение построек и т.п. Если мы условно легитимируем подобные действия «внутри» формы крестьянского движения, то что мешает легитимации этих действий, совершенных самостоятельно? Собственно, это и наблюдалось ранее: в сборнике «Крестьянское движение в 1917 году» только по Южному Уралу отмечены как статединицы разграбление лавок [12, с. 7], убийство крестьянами подозреваемых в краже [Там же, с. 335], кража в кредитном товариществе [Там же, с. 356] и т.п. С 1927 года, когда вышел этот сборник, все эти позиции на десятилетия закрепились в публикациях, статистике [20]. Позднее историки явно старались обходить подобные «неудобные» моменты, сосредотачиваясь на фактах, попадающих под критерий проявлений сознательности: например, в публикациях документов по интересующему нас периоду [17] или исследованиях [7; 8; 10; 13; 22]. В итоге возникала «нужная» картина роста сознательности и активности крестьянских масс на протяжении 1917 г.

На деле картина, особенно в провинции, была значительно более сложной. На наш взгляд, лучше всего положение южноуральской деревни в этот период характеризуют слова Орского уездного комиссара прапорщика Брица, давшего в своем отчете общий вывод о деревне региона: здесь «полное безвластие наряду с безграничным самовластьем» [23].

Крушение власти губернского уровня в южноуральском регионе произошло достаточно быстро: 5 марта 1917 г. в Оренбурге была получена из столицы телеграмма, потребовавшая создания в губернии «Временного губернского гражданского комитета» и соответствующих уездных комитетов [5, д. 2, л. 1]. Уже 9 марта газета «Оренбургское земское дело» сообщила, что губернатор передал управление заместителю председателя земской управы, который теперь стал именоваться «Оренбургским губернским комиссаром Временного правительства» [9]. Аналогично комиссаром Временного правительства в Уфимской губернии стал председатель Уфимской губернской земской управы. 19 марта официально было принято решение о создании волостных комитетов, фактически заменивших волостные правления, затем наступила очередь сельских. Губернский комиссар рапортовал в апреле, что «все представители старой власти были заменены» [4, с. 140]. Но факты свидетельствуют, что на Южном Урале за первые полгода после Февраля система органов новой власти так и не сложилась, особенно на низовом уровне. Это не могло остаться незамеченным крестьянами. Непосредственную их реакцию на свержение монархии узнать крайне затруднительно. Мы располагаем единственным свидетельством такого рода – в мемуарах А. М. Колыхалова (1925 г.), жителя Алексеевской волости Исаево-Дедовского уезда. Группа крестьян была отправлена на станцию сдавать хлеб. Один из них – Тимофей Филиппов – случайно услышал, что царя не стало, и, вернувшись, «своим по секрету сообщил, что царя прогнали». При этом его семейные были перепуганы не тем, что не стало царя, а тем, что сказавшего о революции, по их мнению, если услышат другие, заберут и посадят. Когда в дом к ним пришел урядник, чтобы узнать, сдал ли Филиппов хлеб, то все семейство разрыдалось, опасаясь ареста [21, д. 96, л. 1 об.].

Вплоть до апреля местные структуры власти на Южном Урале работали по-прежнему. Тот же мемуарист писал, что «в мае волной – смена полиции, старшин, даже писарей». Осознание факта, что «прежней» власти не стало, приходило постепенно. У крестьян наступило «внутреннее освобождение», проявившееся в раскрепощении, развитии самостоятельности, но у многих и в грубости, даже агрессивности. А. Колыхалов вспоминал, как на Пасху два брата-солдата – А. и Е. Конновы – явились к уряднику с ультиматумом: на каком основании тот заходит с оружием в церковь и почему не снимает старую форму. С призывом «бей его, кровопийцу» на урядника первым бросился Т. Филиппов, тот самый, который еще несколько недель назад рыдал от страха перед ним [Там же, л. 2].

Примерно в это же время из Уфимского уезда эмиссар Минпрода Федоров сообщал о полном падении порядка в деревнях – «даже подводу у старосты надо ждать 5-6 часов». С удивлением он отмечал, что там, где он пытался вести дела «по-новому», через «живое и разумное слово», – «крестьяне не давали работать», а там, где применялся «старый метод работы» – угрозы ответственностью, приказы и т.п., – «во всех таких волостях работа была налажена» [18, д. 266, л. 12 – 12 об.].

Известие о падении царизма стало приобретать для крестьян определенный смысл после того, как одна за другой начали переставать действовать структуры этого режима. На протяжении весны информация, поступающая в южноуральское село, была настолько разрозненна, непоследовательна и порой разноречива, что крестьяне при всем желании не могли получить четкого представления о происходящем. Газета «Южный Урал» писала: «В деревне в последнее время ловят на лету все сообщения и слухи о текущих кровавых событиях...» [23]. Крестьяне в массе своей практически не интересовались собственно политическими новостями, однако, не зная многого, они, несомненно, ощущали общую неуверенность, царящую в стране.

И как следствие начинаются инициативные действия – постепенно, как бы поэтапно усиливающиеся. Собственно, механизм подобных крестьянских инициатив был уже нами рассмотрен применительно к более ранним периодам: робкие начальные шаги становятся все более решительными по мере того, как крестьяне не встречают противодействия от власти; при наличии такового – быстро отступают назад [19, с. 142]. Первоначально это покушения на помещичью собственность – луга, инвентарь, землю, – переросшие позднее, в ноябре-декабре, в погромы имений. Вполне закономерно, что после установления в крае «казачьей власти» в конце 1917 г. крестьянская активность резко спала. Кое-где наблюдалось прогнозируемое своеобразное «отыгрывание назад». В первой декаде ноября жители пос. Актюбинский Орского уезда, выкосившие летом сено А. Ш. Рамеева, заявили о своей готовности уплатить за выкошенное [6, д. 247, л. 30 – 30 об.].

В целом мы наблюдаем ряд моментов, казалось бы подтверждающих, что разгромы имений есть проявления классового протеста и реализация крестьянского понимания справедливости. Следует признать, что отмечены случаи, когда крестьянские общества лишь усиливали контроль над помещьем. Так, в с. Сухомлиново на сходе крестьяне избрали трех уполномоченных для описи имущества помещика Деева с целью «приема его в собственное распоряжение и охранение» [25]. В с. Григорьевке сход решил установить контроль над соседними помещичьими имениями, для чего и была избрана специальная комиссия в 30 чел. [18, д. 44, л. 21]. Нельзя проигнорировать и факт, что деревни предъявляли претензии не на любое помещичье имение, но только на «свое» – то, на которое, по глубокому убеждению, по ряду причин именно жители этой деревни имели исключительное право. Показателен конфликт между крестьянами сел Разномойки и Городки Оренбургского уезда из-за экономии Оберлендера. Когда жители Городков вознамерились разорить ее, то разномойцы на волостном собрании категорически заявили, что разгрома они не допустят, так как имеют больше прав на имение, чем городковцы [25].

К концу декабря разборы имущества становятся едва ли не абсолютными. «Южный Урал», сообщая о разгромах имений, особо подчеркивал: «Население не оставляло положительно ничего и брало все» [24]. Массовые погромы имений в крае завершились в декабре 1917 г. – в традиционной советской историографии это объяснялось результатом правильной агитации большевиков, а по нашему мнению, – по более приземленной причине – нетронутые имения просто кончились.

Погромы имений были логичным завершением все более усиливавшегося в течение 1917 года процесса освобождения крестьян от чувства страха перед ответственностью. Субъективные причины антипомещичьих действий в каждом конкретном случае при внешней схожести ситуаций могли быть разными – это и давняя вражда с конкретным помещиком, и затянувшиеся споры, и многое иное, вплоть до личных обид. Конечно, это могло быть и по-своему понимаемое чувство справедливости, и стремление покончить с помещиком, в немалой степени – намерение попользоваться чужой собственностью. Наконец, это могли быть и просто хулиганские действия, когда идея свободы понималась весьма специфически. Уместно поставить вопрос: а что, собственно, побуждает нас видеть в названных действиях именно высокие мотивы? Не углубляясь специально в тему, отметим, что крестьянское чувство справедливости никогда не было всеобщим, а воспринималось конкретными крестьянами с точки зрения своих интересов («наше» поместье). Кроме того, достаточно обратиться к работам о крестьянском обычном праве, чтобы определить, какие способы приобретения собственности деревня полагала законными [1]. Среди таковых захватов не наблюдалось. Получается, что разгромы и захваты – новации 1917 г. Тогда резонно спросить – а почему мы их полагаем реализацией традиционных представлений? Не менее затруднительно определить иные проявления борьбы крестьян за традиционную справедливость – их просто нет. Зато от месяца к месяцу возрастало число акций «разгромного и “воровского” характера» [2, с. 106]. Серьезные перемены в сознании крестьян действительно стали происходить. На примере подобного рода событий легко уловить важный момент: частью населения факт ликвидации старой власти, ее законодательства был воспринят как отказ от закона вообще. Журнал «Оренбургское продовольственное дело» сообщал о недовольстве на базаре в с. Куртамыш Челябинского уезда ценами: «...кто установил? – правительство. “Где теперь правительство, и кто является правительством”. На этот вопрос никто в толпе ответить не может. В результате приходят к заключению, что теперь правительство – “мы сами – народ”, и потому-де твердые цены нам не обязательны» [15]. Многие инициативы, типа тех же погромов, буквально балансировали на тонкой грани, отделявшей сознательные действия от чисто уголовных деяний. И нередко, начавшись «по идейным соображениям», они выливались в простую уголовщину, увлекая за собой малосознательные слои населения.

Слабость новой власти, с одной стороны, и все более усиливающаяся у части крестьян убежденность, что теперь дозволено все, с другой, привели к росту преступности. В регионе пик пришелся на октябрь. Без преувеличения можно сказать, что это происходило повсеместно. Источники сообщают, что не было деревни, где бы не варили самогон. Совершаются преступления, каковых долгое время не знали в крае, – типа покушения на ограбление почты в д. Екатериновка или ограбления кредитного товарищества в с. Зирган. Резко растет число нападений и грабежей [12, с. 356; 17, с. 201]. Отсутствие властей воспринималось крестьянами как исчезновение всего с ними связанного, в том числе законов, правил и т.п., – всего того, что было порождением данных властей. Но при этом альтернативных законов и правил крестьянская среда не предлагала и не могла предложить: по наблюдению газеты «Южный Урал», «крестьянство стоит на распутье – чего народ хочет, они и сами не знают» [23]. Деформации в правосознании влекли за собой деформации в моральных представлениях, а это, в свою очередь, сыграло роль в ожесточении масс в последовавшей гражданской войне.

Список литературы

1. **Безгин В. Б.** Имущественные преступления в крестьянской среде: между законом и обычаем // Право и политика. 2009. № 4. С. 880-887.
2. **Булдаков В.** Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
3. **Верменичев М.** Аграрное движение в 1917 году // На аграрном фронте. 1926. № 2. С. 46-61.
4. **Герасименко Г. А.** Народ и власть (1917 г.). М.: Воскресенье, 1995. 288 с.
5. **Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).** Ф. 184. Оп. 1а.
6. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. 1791. Оп. 2.
7. **Григорьев А. П.** Крестьянское движение в Южном Зауралье накануне Октября (июль-октябрь 1917 г.) // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск: ЧГПИ, 1975. Вып. 9. С. 70-71.
8. **Евдокимов Л. А.** Классовая борьба в уральской деревне накануне Октябрьской социалистической революции // Классовая борьба на Урале (1917-1932 гг.). Свердловск: УрГУ, 1974. С. 19-27.
9. **Заря.** 1917. 17 апреля.
10. **Катаев Л. В.** Крестьянское движение на Урале и в Зауралье в 1917 г. (март-октябрь) // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск: ЧГПИ, 1969. Вып. IV. С. 36-50.
11. **Кравчук Н. А.** Массовое крестьянское движение в России накануне Октября (март-октябрь 1917 г.). М.: Мысль, 1971. 278 с.
12. **Крестьянское движение в 1917 году.** М. – Л.: ГИЗ, 1927. 444 с.
13. **Легошин Л. И.** Большевики и крестьянское движение на Урале накануне Октябрьской революции // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. Свердловск: УрГУ, 1968. С. 37-42.
14. **Малявский А. Д.** Крестьянское движение в России в 1917 г. (март-октябрь). М.: Наука, 1981. 400 с.
15. **Оренбургское продовольственное дело.** 1917. 5 сентября.
16. **Осипова Т. В.** Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1974. 350 с.
17. **Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. – июнь 1918 г.):** сб. документов и материалов. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1957. 532 с.
18. **Российский государственный архив экономики (РГАЭ).** Ф. 1943. Оп. 3.
19. **Сафонов Д. А.** «Голодные бунты» 1916 года как признак национального кризиса: «оренбургское» прочтение [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (10). С. 136-143. URL: <http://vestospu.ru/archive/2014/articles/SafonovD2-10.html> (дата обращения: 22.04.2015).

20. Сафонов Д. А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855-1922. Хроника и историография. Оренбург: Оренбургская губерния, 1999. 315 с.
21. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННЮО). Ф. 7924. Оп. 1.
22. Шнейдер Д. М. Крестьянское движение в Башкирии накануне Великой Октябрьской социалистической революции (февраль-октябрь 1917 г.) // Ученые записки Башкирского университета. Уфа: Изд-во БГУ, 1957. Вып. 1. С. 35-76.
23. Южный Урал. 1917. 4 ноября.
24. Южный Урал. 1917. 17 декабря.
25. Южный Урал. 1917. 20 декабря.

“FULL ANARCHY ALONG WITH LIMITLESS POWER”: THE SOUTH URAL VILLAGE IN 1917

Safonov Dmitrii Anatol'evich, Doctor in History, Professor
Orenburg State Pedagogical University
d_safonov@mail.ru

The article attempts to analyze the state, in which the South Ural village found itself in a difficult period between the fall of the autocracy and the seizure of power by the Bolsheviks in the centre of the country. Two concurrent processes: the weakening and gradual disappearance of the local old power structures and the intensification of the views among the peasants about the complete disappearance of the authorities and laws, are observed.

Key words and phrases: village; traditional power structures; anarchy; lawfulness; law and order.

УДК 171

Философские науки

В статье рассматриваются базовые принципы этической концепции Э. Левинаса (1905-1995). Взгляды французского мыслителя интерпретируются как синтез основных принципов философии экзистенциализма и религиозных идеалов, отправным пунктом для осуществления которого является понятие Другого. В связи с этим, статья включает в себя не только экспликацию содержания основных понятий этики Э. Левинаса, таких как Лицо, свобода, ответственность, Бесконечное, но и раскрывает проблему отношения к Другому как одну из принципиальных для экзистенциалистской традиции в европейской философии XX столетия.

Ключевые слова и фразы: метафизическое желание; Лицо; свобода; Другой; ответственность; Бесконечное; экзистенция.

Силаева Кира Валерьевна

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет
информационных технологий, механики и оптики
s_kira_v@mail.ru

ПОНЯТИЕ «ДРУГОГО» КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ЭТИКИ Э. ЛЕВИНАСА©

Экзистенциальная философия, являвшаяся долгое время в XX в. одним из наиболее влиятельных течений западной философской мысли, при всей своей фундаментальности и всеохватности не была представлена отдельными, специально ориентированными на этику работами. Данное утверждение в равной степени может быть отнесено к творчеству всех ведущих представителей этой философии, начиная с М. Хайдеггера и К. Ясперса, и заканчивая Ж.-П. Сартром и А. Камю. Это, однако, не означает, что собственно этическая проблематика отсутствовала в творчестве данных философов или же была обделена вниманием в их работах. Как раз наоборот, этические проблемы не просто исследовались в этих работах, но некоторые из них, такие как «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартра, «Тотальность и бесконечное», «Время и другой» Э. Левинаса, «Философия» К. Ясперса, «Быть и иметь» Г. Марселя оказались, можно сказать, в центре проблемного поля экзистенциализма, что в известном смысле делает эту философию «этикоцентричной». Данный вывод подтверждается и тем, что философы-экзистенциалисты ставили и решали этические проблемы исходя из понимания бытия человека и его экзистенции, поэтому способы и подходы к решению данной проблемы играли фундаментальную роль в формировании их системы взглядов, которая в частности была направлена, как представляется, на поиск способа преодоления солипсизма Э. Гуссерля.

Среди проблем, на решение которых была нацелена этическая составляющая философии экзистенциализма следует особо выделить проблему Другого. Основные представители экзистенциалистской философии различно подходили к решению данной проблемы. Так, например, в своей фундаментальной онтологии М. Хайдеггер [6] рассматривает Другого как оплот мира «das Man», который, упраздняя собственность (собственную экзистенцию) человека, погружает и растворяет человеческого индивида в его несобственность, т.е. в его несобственное бытие. Вывести человека из мира «das Man» и помочь ему снова приобрести свое собственное бытие не может никто кроме него самого. Дело здесь усугубляется и тем, что М. Хайдеггер